

Сергей Олегович ШИПОВ¹
Сергей Анатольевич КОМАРОВ²

УДК 81'42+821.161.1.09"18"

ДИСКУРСИВНЫЕ И ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВОССОЗДАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ПОРЯДКА В БАСЕННОМ ДЕВЯТИКНИЖИИ И. А. КРЫЛОВА

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
s.o.shipov@yandex.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

Аннотация

В статье рассматривается сопряженность дискурсивных формаций в басенном девятикнижии И. А. Крылова как структурных элементов итогового замысла автора. В данном исследовании преимущественно анализируются тексты, соотношенные с вертикалью или небесной сферой басенного мира. Так как сферическое сегментирование в басне конститутивно в связи с существенной разностью подходов к воссозданию ценностного порядка, сакрализации небесной сферы, сменой логики событийности, предопределенными мифологическими и религиозными воззрениями человека, а также фольклорной традицией, то и анализ текстов через него оправдан и продуктивен. Цель статьи — выявить и описать дискурсивность как один из смыслопорождающих элементов крыловского девятикнижия, соотношенных с аксиологией художника, его мировоззрением. Это позволяет зафиксировать сдвиги в архитектонике крыловских басен, обозначить связи автора с духовной динамикой литературной жизни страны и Европы первой

Цитирование: Шипов С. О. Дискурсивные и поэтологические элементы воссоздания ценностного порядка в басенном девятикнижии И. А. Крылова / С. О. Шипов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 160-172.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-160-172

половины XIX в., четче прояснить его место в переходе от традиционалистской фазы словесности к индивидуально-творческой фазе.

Предметная вовлеченность в текст статьи более двух десятков басен И. А. Крылова делает выводы авторов убедительными. Современный научный аппарат придает их анализу новый масштаб и объем зрения относительно всего творческого наследия великого русского баснописца. Он помогает реконструировать сложность и многосоставность так называемых широких просветительских оснований опыта возрастного стихотворца, пережившего три следовавших за ним литературных поколения и воспринявшего импульсы их поисков в искусстве.

Ключевые слова

И. А. Крылов, басенное девятикнижие, дискурс, аксиология, религия, миф.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-160-172

Введение

Античные и библейские знаки, функционирующие в структуре басенного девятикнижия И. А. Крылова, образуют внутрдискурсивные и междискурсивные связи, уплотняют мифологический слой художественного мира текстов. Характерные для жанра универсальные модели бытия возникают как за пределами художественного пространства (коммуникативная стратегия автора), так и внутри него — внутренняя свобода объекта изображения, порождающая деятельность последнюю активностью последнего.

Персонажи крыловских басен изображены достаточно свободными и подчиняются только своим страстям, ориентированными на вечные человеческие пороки. Художественное пространство в баснях Крылова по горизонтали предстает мировым лесом заблудших (по аналогии с «Божественной комедией» Данте Алигьери), а вертикаль в нем — своего рода ось мира, где сосредоточена его духовная составляющая. С этим связано и снижение событийности в небесной сфере. Модель басенного мира подразумевает вертикаль власти, вершинами которой в зависимости от изображаемой ситуации могут быть как царственные образы птиц и зверей, так и античные божества.

Дискурс власти в девятикнижии Крылова опирается на готовые смыслы, устойчивые знаки, чувствительные к восприятию читателем эмблемы. Дискурсивность этого типа характеризуется наличием эмблематичного героя, мышление которого строится в необходимости поддерживать устойчивый миропорядок [6]. Логика поступков таких персонажей предопределена уже готовым и оцененным миром в их сознании, а речевая характеристика содержит нормативные сентенции, направленные на поддержание устойчивой иерархии в хронотопе.

Результаты и обсуждение

В текстах «Осел» («Когда вселенную Юпитер населял...»), «Лягушка и Юпитер», «Змея» персонажи, нарушая естественный природный цикл, пытаются

изменить свою судьбу. Возможность таких изменений обусловлена введением в структуру текста мифологического пространства, ситуативно объединяющего всех актантов. Для выявления и разоблачения порока в повествовании создается схема, где за персонажем закрепляется стремление изменить природу, то есть фактически моделируется ситуация бунта против высших сил, а Бог, вступая в диалог с просителем, позволяет проявиться пороку. Морализация достигается как за счет сюжетного наказания, так и за счет эксплицитного нравоучения, заключенного в речевую характеристику Юпитера или Зевса:

Осел

«Но чем все кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в поговорку вошел.
И на осле уж возят воду» [4, с. 24].

Лягушка и Юпитер

«„Безумная!“ Юпитер говорит
(Знать, не был он тогда сердит):
„Как квакать попусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащить до болота?“» [4, с. 121].

Змея

«„Нет“, отвечал скворец: „он звучен, дивен,
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
Когда увидели твое мы жало:
Нам страшно вместе быть с тобой.
Итак, скажу тебе, не для досады:
Твоих мы песен слушать рады —
Да только ты от нас подале вой!“» [4, с. 191].

Бог в роли судьи — одна из классических сюжетобразующих моделей в басенном мире. Введение в структуру текста божества, авторитетного для героя, создает особое пространство, где персонажи, читатель и субъект повествования объединяются для условной победы над пороком. Помимо вышеуказанных текстов, такие модели использовались автором в баснях «Богач и Поэт», «Цветы», «Вельможа».

Группа текстов Крылова с вводом в качестве актантов богов содержит не только нравоучительные сентенции относительно конкретных пороков. Метафизические взгляды автора сопряжены здесь с историософией, ведь им последовательно раскрываются и сопоставляются идеи эволюции и революции. Стремление человека к революции обуславливается общекультурной ментальностью и в определенной степени признается закономерным, но всё же отвергается автором, что выражается в нравоучении для бунтующих. Революционные

сдвиги допускаются Крыловым в логике стадиальности развития человека и общества. Это обусловлено как свободной природой человека, так и общими законами постоянного движения и поиска новых форм организации жизни.

Позиция выразителей революционных скачков в художественном мире крыловских басен нежизнеспособна. Автор фиксирует ментальные сдвиги общества, отмечая эволюцию как закономерное и непрекращающееся развитие сознания и любых форм его материализации. Идея же революционных преобразований компрометируется за счет ее связи с пороками (тщеславие, гордыня, недовольство собственной судьбой и др.), что намеренно выстраивается повествующим субъектом. В частности, это наглядно реализуется в текстах «Безбожники», «Парнас» и «Лягушки, просящие царя».

Несмотря на наличествующие античные коды, в баснях Крылова всё же доминирует христианская универсальная этика. Им создается особое дискурсивное пространство, где языческие знаки используются как условные элементы для моралистического послания, транслирующего христианскую логику. Баснописец, моделируя христианские и языческие парадигмы, объясняет порок через миф, что сохраняет ему широкие возможности для эстетизации изображаемого мира.

Сознание образов силы, обладающих властью и авторитетом, и сознание персонажей, разрывающих устойчивые семантические поля ради овладения чужой жизнью и наживы, сюжетно противопоставляются. В столкновении их обнаруживается главный сюжет басенного девятикнижия. Испытание данного и желаемого демонстрирует внутреннюю свободу героев.

Уже с первых текстов девятикнижия положение богов подвергается пересмотру и перестает быть неприкасаемым и священным для персонажей басенного мира. Отрицание устойчивой вертикали приводит к нарушению баланса и возникновению первородного греха в текстовом образовании.

В баснях «Парнас» и «Безбожники» изображаются попытки персонажей изменить привычный миропорядок и низвергнуть богов. Между ними расположен текст «Оракул», где пророчества богов через жрецов подвергаются сомнению и заставляют человека осмыслять и оценивать сказанное, а не «слепо» верить. Если в тексте «Парнас» через субъекта повествования используется еще умеренный вариант нравоучения, то уже в басне «Безбожники» сюжетная схема акцентирует внимание на неизбежности наказания. Возникновение его спровоцировано самим действием мятежного народа. Обработка данного сюжета обращена к первородному греху и осмысляется баснописцем не просто как нарушение воли бога, а отказ от него, от божественного порядка жизни. Отказавшись от Всевышнего, бунтующий народ поставил себя на один уровень с ним и объявил войну.

Движение к божественному совершенству, согласно Крылову, возможно только с богом, но не с искусителями, «зачинщиками» мятежей, воспринимаемыми субъектом повествования в качестве носителей дьявольского беззакония. Как человек стал смертен от грехов своих в беззаконии, так и бунтующие «от дел своих казнятся» [4, с. 26]. Отказ на совете богов от усмирения бунтующих путем явления чуда укладывается в логику религиозного сознания. В его рамках

божественное чудо, явленное человеку, не оставляет для него нравственного свободного выбора и принуждает к вере. Сомнения в предсказаниях оракула, изображение бунта против богов в двух текстах демонстрируют динамику мышления героев, где сомнения и бунт человека признаются всё же закономерными, продиктованными природой.

Несколько вариантов нравоучений и прием «погружения» персонажей в порок используется автором не только в рамках традиционной для Крылова схемы разоблачения в девятикнижии, но и указывает на возможность философского прочтения этих текстов. Согласно ему, бунт против бога мыслится как закономерный этап развития критического мышления человека. Это творческий акт, где рефлексивируется божественное проявление в человеке и мире, где предпринимаются попытки разграничить добро и зло, ложь и истину.

Ситуации бунта против бога в крыловской басне не могли сводиться исключительно к богословскому толкованию, так как автор манифестировал свободную и стремящуюся к познанию, деятельности и развитию сущность человека. При этом Крылов признавал ответственность человека за эту деятельность и каждый творческий акт. Эти басни укладываются в формацию христианского дискурса, включающего совокупность всех образов, метафор, репрезентаций, мотивов, моралистических сентенций, которые транслируют религиозную этику. Альтернативные значения (выражение точки зрения героев, наличествующие мифологические коды) обеспечивают повествуемому субъекту, объекту изображения, героям свободу в исполнении дискурсивных ролей.

Современники Крылова ищут и находят в данных текстах преимущественно отклик баснописца на исторические события и сатиру на общественных деятелей. Если текст «Безбожники» интерпретировался ими как авторская оценка разрушительных плодов Французской революции, то «Парнас» воспринимался как сатирический выпад против членов Российской академии. Несомненно, каждый из обозначенных вариантов отчасти объясняет эти басни, но всё же упрощает их содержательный посыл. Оба этих текста укладываются в формацию христианского дискурса, что предполагает единство божественного и человеческого, ответственность человека за выбранный путь к единению. Точное время работы Крылова над данными произведениями установить сложно, черновые листы не содержат датировку. Известно, что к началу 1814 г. текст «Безбожники» был уже готов, а басня «Парнас» публиковалась в «Драматическом Вестнике» в 1808 г. Но в последующих редакциях автором вносились существенные правки, басни встраивались в обозначенный дискурс и общую структуру девятикнижия.

Тексты «Лягушки, просящие царя», «Осел», «Лягушка и Юпитер», «Змея» составляют единую формацию согласия. В этой модели персонажи вступают в одну из начальных форм диалогических отношений и стремятся найти точки для согласия. Напомним, что в отечественной филологии сфера диалогических отношений мыслится как имеющая внутреннюю иерархичность, где высшая форма стремится к согласию [10, с. 299]. Наложение детерминистической

и произвольной картин мира персонажей в тексте убедительно усиливает логику субъекта повествования. Через него моделируется возможность общественного договора, учитывающего неустойчивость мира. Произвольная картина мира закреплена в сознании персонажей (лягушек, змеи и осла), вступающих в диалог с высшими силами. Детерминистическая картина мира возникает в результате этого диалога и убеждает участников коммуникативного и референтного событий в закономерности и логичности финала. Феномен сближения двух картин мира, противоположных друг другу систем, используется баснописцем для солидарной вовлеченности читателя в структуру текста, что приводит к пониманию возможностей самоорганизации жизни. Сближение ценностных позиций персонажей, безошибочно разгаданных читателем, образует пространство согласия, в котором объединяются все участники события.

Использование богов в качестве актантов или образов, возникающих в сознании персонажей, объединяет горизонтальную и вертикальную сферы. Для определения границ небесной сферы следует не только выделять тематическую группу персонажей, традиционно связанных с небом, но и учитывать векторность движения персонажей земной сферы с их духовным состоянием и потребностью обращения к сверхъестественным силам. Обращение к богу зачастую имеет характер бунта, непокорности. Это обнажает стремление героя к познанию высших сил, его попытку узнать, сменить или разрушить устойчивую вертикаль.

Пересечение горизонтали и вертикали в басенном мире также создает необходимые пространство и перспективу для первоначальной прорисовки, а затем и детализации порока. В текстах «Чиж и Еж», «Осел и Соловей», «Котенок и Скворец», «Кошка и Соловей» взаимодействие актантов предопределено трагическим непониманием природы и сущности окружающего мира. В последних двух текстах, размещенных автором в шестой и восьмой книгах и написанных в 1825 и 1824 гг. соответственно, типовой финал (смерть скворца и соловья) обусловлен именно непониманием персонажами законов природы. Это становится ключевым фактором событийности в группе текстов, где вертикальная и горизонтальная сферы пересекаются. К данной группе относимы басни «Волк и Журавль», «Филин и Осел». В основе их событийности также лежит синергия двух представителей диалогически противопоставленных друг другу сфер. На определенном этапе эта синергетика оставалась продуктивной, но финал был предопределен природой. В первом тексте:

«Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил и стал за труд просить.
„Ты шутишь!“ зверь вскричал коварный:
„Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся“» [4, с. 136].

Во втором тексте:

«Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям —
„Остерегись!“ кричит: „направо будем в луже“.
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
„Еще левой возьми, еще левее шаг!“
И — бух Осел, и с Филином, в овраг» [4, с. 190].

Вероятно, правильное прочтение этих текстов связано с пониманием амбивалентности природы, которая, с одной стороны, стремится сохранять целостность, а с другой — высвободить и использовать необходимую ей субстанцию, подчиняясь бесконечному и свободному движению, постоянному развитию. Включенность сознания, обозначенного в тексте самостоятельной точкой зрения, подчеркивает тождественность природы и духа, характерную для романтического миромоделирования. Несомненно, здесь стоит отметить, что не только жанровая структура, но контекстуальные тренды времени диктуют баснописцу те или иные сюжетные ходы, модели и проекции. Поэтому допустимо предположить, что натурфилософия Шеллинга как часть его философской системы, получившей широкое распространение в России в первой трети XIX в., оказала влияние на басенное творчество Крылова.

Шеллинг системно противопоставляет жизнь рациональности. Воля и желание человека, а значит, и порок — иррациональны. Объяснение иррационального может лежать в опыте, отождествляемом с мифологией и религией. Само течение жизни иррационально, а порок, возникающий в результате волевого и свободного выбора, не может объясняться рационально. В этом смысле рациональность противопоставлена сущности человека [11].

Крылов, понимающий недостаточность и ограниченность рационалистической картины мира, сопрягал возможности различных концепций мира и человека в девятикнижии. Объединяющей основой для каждого из таких напластований являлась обращенность к мифу. Баснописец в процессе книготворческой деятельности редактировал уже опубликованные ранее басни не только в силу динамики собственно эстетических взглядов и создания целостности художественного мира, но и в силу необходимости поддержания договора согласия с читателем. Он ищет корреляции с ментальными стадиями развития современника, которые предопределяют событийность эпохи. Автор объясняет пороки и связанные с ними события через миф и религию. Мышление наднациональными категориями является одной из безусловных черт самосознания баснописца. Соотнесенность современниками басен Крылова с конкретными персонами и событиями в жизни страны свидетельствует об актуализации наднационального опыта в отечественной культуре XIX в.

Тексты «Фортуна в гостях», «Фортуна и нищий», «Богач и Поэт», «Алкид», «Вельможа» расширяют пантеон богов в девятикнижии. Эмблематичные образы

античных божеств используются субъектом повествования в текстах как абсолютные и неоспоримые носители истины в изображаемом мире. Благосклонность Фортуны к человеку в первых двух текстах, суд Поэта с Богачом, помощь Афины Алкиду (имя Геракла при рождении) и суд над вельможей после смерти организуют событийность в этих баснях.

Структура последнего сюжета отличается от остальных, так как в моралистическом послании не объединяются все участники события, а порок изображается без негативной коннотации. Морализация достигается за счет внутреннего согласия читателя с рациональностью нового типа, столкновения объективного (позиция Меркурия) и бессознательного (логика Эака), гуманистического осмысления сущего. В тексте «Вельможа» эпически обобщается традиционный для жанра сюжет о справедливом/несправедливом суде в новом ракурсе видения для читателя по сравнению с басней «Оракул», размещенной автором в первой книге.

В этих текстах в рефлексию вовлекается иерархизированная вертикаль власти, судов и авторитетов. Сакральным для всех участников коммуникативного события и, соответственно, предельно мифологизированным является высший суд, перспективными пространствами которого становятся ад и рай. В эпимифии автор иронично актуализирует текст в национальном культурном пространстве: «Вчера я был в суде и видел там судью: / Ну, так и кажется, что быть ему в раю!» [4, с. 204]. Эпимифий текста «Оракул» более осторожен, так как субъект повествования дистанцирует текст от конкретных событий и персон: «Я слышал — правда ль? — будто встарь / Судей таких видали, / Которые весьма умны бывали, / Пока у них был умный секретарь» [4, с. 16].

Содержательная основа двух текстов, объединенных одной логической сентенцией, уже транслировалась автором на раннем этапе творческой деятельности в «Почте духов», где танцмейстер Фурбиний предлагал Плутону приставить умного секретаря судьям, которых в силу разных обстоятельств нельзя заменить. Стабильность мифического миропорядка обусловлена необходимостью создавать устойчивые и авторитетные для читателя модели для дискредитации порока с учетом интенсивной динамики литературного процесса в России и перехода от одного доминирующего литературного направления к другому.

Логика событийности в небесной сфере проявляется в количественном снижении использования автором метафор, знаков и символов коллективного сознания, широко применяемых в комедиях и баснях. Отсутствие оппозиции «хищник/жертва» мотивирует большую по сравнению с земной сферой свободу персонажей, открывая новые пространства для познания мира, своих сил и возможностей в нем. В том числе и это указывает на неустойчивость мира, что выражается в реализации традиционного мифологического сюжета — падения дерева. Он интерпретируется читателем как разрушение мироздания, естественного цикла жизни, нарушение связи времен (триединства прошлого, настоящего и будущего в одном символе). В частности, М. М. Маковский отмечает, что «в древней мифопоэтической традиции дерево олицетворяет связь нижнего и верхнего миров (корни дерева — ствол — крона: ср. миф о „Мировом древе“» [7, с. 138].

Падение дерева в баснях Крылова носит системный характер, объединяет четыре текста в первой и третьей книгах на уровне мифотектоники. Так, в текстах «Дуб и Трость» (кн. 1), «Роща и огонь» (кн. 1), «Дерево» (кн. 3) и «Орел и Крот» (кн. 3) аллегория разрушения мира воплощается за счет реализации этого традиционного сюжета. В двух баснях из четырех падение дерева происходит по естественным причинам, но всё же порок по-прежнему предворяет событие в них. Риски падения дерева обозначаются также в текстах «Листы и Корни», «Свинья под дубом». Таким образом, автором создается мотивная связь, синтетически определяющая неустойчивость мира, в котором пороки и грехи несут существенные риски для жизни. При этом страсть обеспечивает динамику развития человечества, питает жизнеспособность концепций мира и человека, совершенствует научное знание, является подлинным свидетельством жизни, что в басенном мире выражается в формировании событийного ряда.

В соотносительности аксиологии художника и дискурсивных элементов девятикнижия определяется логика событийности в мире басен. Важно отметить, что отношение Крылова к страсти, предворяющей порок, неоднозначно. С одной стороны, он признает страсть спутником жизни, частью иррациональной природы человека, а с другой, предостерегает от ее разрушительной силы. Динамика развития страсти до порока и степень его влияния на событийность в художественном мире зачастую нарастает и усугубляет положение персонажа, знаково сопряженного с ним. С этим связана и постановка нами вопроса о существовании текстовых формаций, метасюжетности в девятикнижии. Такое отношение автора к пороку фактически подрывает тотальность решения дидактических задач басни как жанра. Несмотря на ограниченные возможности диалога в жанровой структуре, его использование позволяет не дискредитировать порок, а достигать подвижного ценностного согласия, сближать точки зрения персонажей, что более авторитетно для современного Крылову читателя на переходе от традиционалистской к индивидуально-творческой фазе развития отечественной словесности. По характеристике В. И. Тюпы, формируется постриторическая дискурсивная формация, разделенная на три этапа: предромантический, романтический, постромантический [10]. Популярность басни в этот период связана не только с эстетической качественностью творчества И. А. Крылова и И. И. Дмитриева, но и с функциональностью и универсальностью жанра. Басня вмещает элементы уходящей эпохи, многовековой традиции, коммуникативной стратегии убеждения и нравоучения, а также уже обновленные культурные парадигмы, проявляющиеся в осознанном выстраивании связей между автором, героем и читателем, в новом отношении к пороку и страсти, в обновлении общественных отношений, в динамике идеологии [2, 3].

Заключение

Подход к анализу басенного девятикнижия И. А. Крылова через дискурсивность и текстовые формации позволяет обнаружить логику художественной событийности, выявить типологии персонажей и их задачи в изображенном

мире. Философские и ценностно-религиозные воззрения автора выявляются в формациях христианского дискурса, диалогического согласия героев, властного дискурса и интерпретации мифологических символов.

Неустойчивость модели мира предопределена стремлением героев к познанию его устройства и границ, при этом революционные изменения связываются повествующим субъектом с порочностью и убедительно отвергаются. По Крылову, это проблема преимущественно гносеологического характера. Поэтому стремление героев нарушить устойчивые семантические поля хотя и обречено на провал, но всё же закономерно. Это один из этапов критического мышления, необходимого для развития человечества. Выявленные текстовые формации отражают приемлемые для автора условия общественного договора, создают ценностный порядок в художественном мире в корреляции с аксиологией художника.

Духовное состояние героев басен Крылова требует обращения к абсолютной истине, трансцендентному знанию, первоосновам мироустройства. Христианская и мифологическая парадигмы мышления признают векторность движения героев к ним верной, что выражается в морали, построении истинной картины мира и введении в структуру девятикнижия персонажей положительной силы.

Иерархия персонажей, их знаковая сопряженность с пороком опирается на твердые смыслы и служит внутренним законом устройства текста. Перемещаемость персонажей между уровнями не только организует событие в баснях, но и диалогически сближает истинную и ложную картины мира, позволяя автору, читателю и герою объединиться, сделав свободный выбор. Отсюда и стремление героев к физическому опыту переживания события на пути к высшей истине.

Взросшая роль диалога, создание ценностных точек зрения — мнений и подрыв дидактического нравоучения, нормативная стратегия которого принуждает читателя к монологическому согласию, в баснях Крылова выводит жанр из риторической формации. Эмоции, чувства, страсти человека учитываются на материале современной жизни, поэтому, очевидно, на переходе от традиционалистской к индивидуально-творческой фазе развития литературы басня становится своего рода связующим звеном между эпохами и готовит переход к реализму. Романтическое миромоделирование же окончательно дискредитировало риторическое «моноголосое» мировоззрение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность / Л. Витгенштейн; пер. с англ. Л. Добросельского. М.: АСТ: Астрель, 2010. 250 с.
2. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века / А. Л. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
3. Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века / А. Л. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

4. Крылов И. А. Полное собрание сочинений в 3 томах. М.: Гос. издат. худож. лит., 1946. Том 3. Басни. Стихотворения. Письма / под ред. Д. Д. Благого. 620 с.
5. Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений / изд. подгот. Л. Н. Киселёва. СПб.: Гиперион, 2001. 635 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
8. Михайлов А. В. Методы и стили литературы / А. В. Михайлов. М.: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2008. 176 с.
9. Славянская мифология / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
10. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
11. Шеллинг Ф. В. Философия мифологии в 2 томах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. Том 1. Введение в философию мифологии / Ф. В. Шеллинг; пер. с нем. В. М. Линейкина. 479 с.

Sergey O. SHIPOV¹
Sergey A. KOMAROV²

UDC 81'42 + 821.161.1.09"18"

**DISCURSIVE AND POETOLOGICAL ELEMENTS
OF RECONSTRUCTING THE VALUE ORDER
IN THE NINE VOLUMES OF FABLES BY I. A. KRYLOV**

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
s.o.shipov@yandex.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

Abstract

This article examines the conjugation of discursive formations in the nine books of fables by I. A. Krylov as structural elements of the final design of the author. This study mainly analyzes the texts related to the vertical or celestial sphere of the fable world. Since spherical segmentation in a fable is constitutive due to a number of reasons: a significant difference in approaches to reconstructing the value order; sacralization of the heavenly sphere; a shift in the logic of events, predetermined by mythological and religious views of a person; as well as the folklore tradition — the analysis of texts through it is justified and productive. The purpose of this article is to identify and describe the discursiveness as one of the meaning-generating elements of Krylov's nine books of fables, correlated with his axiology and worldview. This allows recording shifts in the architectonics of Krylov's fables to indicate his connections with the spiritual dynamics of the literary life in Russia and Europe in the first half of the 19th century, as well as to more clearly clarify his place in the transition from the traditionalist phase of literature to the individual-creative phase.

Citation: Shipov S. O., Komarov S. A. 2021. "Discursive and Poetological Elements of Reconstructing the Value Order in the Nine Volumes of Fables by I. A. Krylov". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 2 (26), pp. 160-172.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-160-172

The authors prove their conclusions including more than two dozen fables by I. A. Krylov in this article's text. The contemporary academic apparatus gives their analysis a new scale and scope of vision regarding the entire creative heritage of the great Russian fabulist. This apparatus helps in reconstructing the complexity and diversity of the so-called broad educational foundations of the experience of the aged poet, who survived three literary generations that followed him and was inspired by their art searches.

Keywords

I. A. Krylov, nine volumes of fables, discourse, axiology, religion, myth.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-160-172

REFERENCES

1. Wittgenstein L. 2010. Culture and Value. Translated from English by L. Dobroselsky. Moscow: AST: Astrel. 250 pp. [In Russian]
2. Zorin A. L. 2001. Feeding the Two-Headed Eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Century. Moscow: New Literary Review. 416 pp. [In Russian]
3. Zorin A. L. 2016. The Emergence of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th — Early 19th Centuries. Moscow: New Literary Review. 568 pp. [In Russian]
4. Krylov I. A. 1946. Complete Works in 3 vols. Vol. 3. Fables. Poems. Letters. Edited by D. D. Blagoy. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 620 pp. [In Russian]
5. Krylov I. A. 2001. Complete Collection of Dramatic Works. Edited by L. N. Kiselyov. St. Petersburg: Hyperion. 635 pp. [In Russian]
6. Makarov M. L. 2003. Foundations of the Theory of Discourse. Moscow: Gnosis. 276 pp. [In Russian]
7. Makovsky M. M. 1996. Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and Worlds of Images. Moscow: Gumanitarnyy izdatelskiy tsentr VLADOS. 416 pp. [In Russian]
8. Mikhailov A. V. 2008. Methods and Styles of Literature. Moscow: IMLI RAS named after A.M. Gorky. 176 pp. [In Russian]
9. Petrukhin V. Ya., Agapkina T. A., Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. (eds.). 1995. Slavic Mythology. Moscow: Ellis Lack. 416 pp. [In Russian]
10. Tyupa V. I. 2010. Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric. Moscow: Languages of Slavic culture. 320 pp. [In Russian]
11. Schelling F. W. J. 2013. The Philosophy of Mythology in 2 vols. Vol. 1. Introduction to the Philosophy of Mythology. Translated from German by V. M. Lineikin. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 479 pp. [In Russian]